

Светлана
АЛЕШИНА

Гнездышко *мелких гадов*

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Новая русская

Светлана Алешина

Гнездышко мелких гадов

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Гнездышко мелких гадов / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Новая русская)

Необычное хобби выбрала себе преуспевающая бизнес-леди Лариса Котова, хозяйка модного ресторана «Чайка». В свободное от работы и семейных забот время она... расследует преступления. И вот снова, несмотря на возражения мужа, ей пришлось погрузиться в чужие тайны – сына друзей подозревают в убийстве. Секс и деньги, кумиры рока и водка, дорогая косметика и модные шмотки... Все смешалось в головах молодых людей, участников рождественской вечеринки, которая закончилась... двойным убийством. И каждому из них было что скрывать. Но никакая тайна не стоит человеческой жизни. И потому Ларисе нужно не только вычислить убийцу, но и заставить его признаться в совершении преступления...

© Алешина С., 2002

© Научная книга, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Светлана Алешина

Гнездышко мелких гадов

Глава 1

К празднику Рождества Лариса Котова всегда относилась особенно. Несмотря на то, что она была давно сложившейся и преуспевающей бизнес-вумен – Лариса заведовала лучшим в Тарасове рестораном «Чайка», – у нее сохранилось романтическое восприятие этого события. Рождество всегда ассоциировалось с чем-то светлым, добрым, чудесным и даже магическим. Словно и правда, как в детском стихотворении, в этот день могло свершиться все, что угодно. Ларисе каждый раз казалось, что она попадет в какую-то прекрасную волшебную сказку. Сегодня ощущение мистической прелести снова не покидало ее.

Во многом это было связано с тем, как десять лет назад они с Евгением провели Рождество, только-только реанимированное новым российским правительством в качестве всенародного праздника. Настю тогда молодые супруги отправили к бабушке с дедушкой, а сами устроили ночь при свечах. Они были молоды, полны светлого оптимизма, пусть даже немного наивного. В ту ночь были откровения при свечах, тихая музыка и рядом с Ларисой – предупредительный, ласковый и нежный муж.

Увы, с тех пор прошло десять лет. В жизни супругов Котовых наступила пора взаимного отчуждения, цинизма и безразличия друг к другу, а также взаимных измен. Впрочем, в этом смысле застрельщиком выступил Евгений, поддавшийся величайшему пороку нашего времени – пьянству. Ради бутылки с джином Евгений Котов в последние пять лет жертвовал всем – семейным покоем, бизнесом и здоровьем.

Справедливости ради нужно сказать, что едва Евгению исполнилось сорок, он задумался. И, признав, что зависимость от алкоголя превратилась у него в патологию, решил избавиться от порока. Но попытки обращения к врачам не помогли, Евгений всякий раз срывался. Теперь он самому себе сказал «стоп!», исключительно разумом попробовав преодолеть проблему.

Он не пил уже месяц с лишним. Даже на Новый год ограничился только кока-колой. Праздник Рождества станет следующим испытанием.

Отмечать праздник он собрался вместе с Ларисой у своих друзей, солидных бизнесменов. Честно говоря, Ларисе не очень хотелось идти туда – она опасалась за мужа, который мог не удержаться и, поддавшись всеобщему настроению, пропустить стаканчик вина. С характером Евгения за первым неизбежно последует второй, а затем еще и еще. Чем все это закончится, догадаться несложно. Ларисе даже думать не хотелось о таком развитии событий. Правда, Евгений несколько раз заверил жену, что даже и не помышляет о выпивке. Его уверенный и серьезный тон несколько успокоил Ларису, однако она знала, что ей придется постоянно быть начеку.

Она закончила делать вечерний макияж, надела заранее приготовленное платье, а светлые волосы оставила свободно распущенными. В этот момент в комнату вошел Евгений. Несколько секунд он постоял в дверях, с улыбкой наблюдая за женой, а потом сказал:

– Сейчас ты прямо как пятнадцать лет назад! Совершенно не изменилась!

– Если ты такой примитивной лестью считаешь, что я растаю и потеряю бдительность на твой счет, то не обольщайся, – усмехнулась Лариса.

– Ну вот почему ты всегда с иронией относишься к моим словам? – обиженно произнес Котов. – Я, между прочим, от чистого сердца...

– Ладно, ладно, – отмахнулась Лариса. – Пошли вниз.

В машине она откинулась на подголовник – Евгений сам сел за руль, и она могла спокойно отдыхать – и задумалась. Немного горько было сознавать, что ласковые слова мужа, которые

когда-то заставляли ее просить, теперь ничего не всколыхнули в ее сердце. К тому же Лариса настолько привыкла к вранью мужа, что ни одна из его фраз всерьез уже не воспринималась. Она и не пыталась отличить, где ложь, а где правда.

«Да он и сам, по-моему, этого уже не может отличить», – подумала Лариса с легкой грустью по утерянному счастью.

Тем временем Котов остановил машину перед элитным домом в районе Набережной. Выйдя из машины, он галантно подал жене руку, щелкнул пультом управления сигнализацией и повел супругу к подъезду.

– Лавриненко уже здесь, – кивнул он на сверкающий «БМВ», припаркованный рядом.

Ларисе не очень хорошо были знакомы обе пары – что Губины, в гости к которым они направлялись, что Лавриненко, – и она никак не отреагировала на сообщение мужа.

Стол в трехуровневой квартире Губиных был уже накрыт, и за ним восседали гости. Хозяйка, Элеонора Николаевна Губина, миниатюрная блондинка с множеством завитков-кудряшек на голове, была одета в короткое светлое платье с блестками. Она явно старалась выглядеть юной девочкой – постоянно улыбалась, весело щебетала и смеялась, запрокидывая голову. Надо признать, выглядела она действительно довольно молодо, но все же возраст ее уже не скрывали ни тщательно наложенный макияж, ни подтяжки кожи.

Муж ее, Василий Геннадьевич, высокий крупный мужчина, внешне являл собой полную противоположность хрупкой супруге. Да и вел он себя не столь непосредственно, все больше молчал, со снисходительной, но тем не менее теплой улыбкой наблюдая за женой и периодически отвечая на ее просьбы, обращенные к нему в перерывах между бурным потоком слов.

Другая пара казалась гораздо более чопорной. Алевтина Андреевна и Николай Викторович Лавриненко улыбались сдержанно, уголками губ, отчего оба казались сухими и надменными. Алевтина Андреевна, высокая, статная, с гладкой прической из темно-русых волос, была одета в длинное строгое платье темно-коричневого цвета. Она производила впечатление властной и уверенной в себе дамы. Николай Викторович, тоже не маленького роста, все же терялся на фоне супруги.

– Ларочка, дорогая, наконец-то! – заливалась Элеонора Николаевна, провожая чету Котовых к столу. – Вот сюда, вот сюда, здесь вам будет удобно! Женечка, помоги супруге сесть!

Котов пододвинул Ларисе стул, сел рядом и небрежно окинул стол взглядом. Ларисе показалось, что при взгляде на бутылку с коньяком глаза его блеснули.

– Угощайтесь вдоволь! – прозвенела Элеонора Николаевна. – Можете полагаться на мой вкус, все блюда очень оригинальны.

Лариса, которую мало чем можно было удивить в плане кулинарии, тем не менее отметила, что блюда и впрямь нестандартны. Разумеется, для обычного домашнего стола, а не для элитного ресторана. Она положила на свою тарелку сырный салат со свежими помидорами, фаршированные грибами баклажаны, мясные кнелики и с аппетитом принялась есть. Хозяин дома разлил шампанское, от которого Котов с непроницаемым лицом отказался, и произнес дежурный тост.

Обстановка за столом была не особенно веселой, все преимущественно жевали, за исключением Элеоноры, которая продолжала щебетать. Лариса немного заскучала.

«Да, вряд ли здесь я по-настоящему смогу ощутить прелесть именно рождественского праздника, – подумала она. – И почему в последнее время все праздники похожи один на другой? Поели, выпили, поговорили ни о чем – и разошлись. Скукота!»

Элеонора, видимо, заметила настроение Ларисы, потому что тут же приподнялась со стула и громко сказала:

– Сразу предупреждаю – я приготовила замечательную культурную программу, так что скучать никому не придется! Но вначале нужно обязательно хорошенько подкрепиться и выпить. Сегодня у всех должно быть молодежное настроение!

– Вот это здорово! – невольно вырвалось у Ларисы, а Котов тут же покосился на бутылку.

– Лара, дорогая, я вот думаю – не пропустить ли мне рюмочку? – нарочито небрежно обратился он к жене, поигрывая вилкой. – Чисто для создания молодежного настроения?

– Женечка, ты у нас и так молодой! – всплеснула руками Элеонора Николаевна. – Посмотри только на себя – стройный, худощавый... Не то что мой Вася – живот вон уже через рубашку видно.

– Это не живот, а комок нервов, – шутливо ответил Василий Геннадьевич. – А потом, Эля, мало кому удастся, подобно тебе, сохранить фигуру, как в юности. Поистине редкий дар! Хотя надо признать, что Лариса в этом тоже весьма преуспела, – он окинул Ларису выразительным взглядом.

Котов, приняв негодующий вид, важно заявил:

– Я не допущу всяких фриivolностей в отношении своей жены! Все засмеялись. Даже молчавшие до этого Лавриненко заулыбались, а Элеонора захлопала в ладоши.

– Браво, Женечка, когда ты вот такой ревнивый, то становишься еще мужественнее!

Лариса чувствовала, что Эля говорит с иронией, совершенно, однако, беззлобной, но Котов, похоже, воспринимал ее слова серьезно, поскольку Лариса заметила несколько хорошо ей известных признаков того, что Евгений начал распускать хвост перед женщиной. Он расправил плечи и попытался придать своему взгляду некую манерность и высокомерие. По непонятной причине ему казалось, что это делало его уверенным в себе мужчиной, во власти которого абсолютно все. Лариса же считала, что этот взгляд придает его лицу идиотское выражение и делает похожим на напыщенного дурака.

Губин еще раз разлил шампанское, бросив на Котова вопросительный взгляд. Евгений уже готов был утвердительно кивнуть, но Лариса с милой улыбкой так наступила ему под стол на ногу, что Котов, поперхнувшись, поспешно замотал головой.

– Как ваша Тонечка? – переключилась тем временем Элеонора на Алевтину Андреевну. Та досадливо поморщилась и махнула рукой. За нее ответил супруг.

– Да к вашим опять пошла праздник отмечать. У них же там одна компания.

– Когда только это прекратится! – не выдержала Алевтина Андреевна. – Просто днюет и ночует там! Сто раз ей объясняла – да, раньше вы были в одной компании, дружили. Но она как будто не понимает, что сейчас Олег женат и что торчать там постоянно, а тем более оставаться ночевать – это... просто неприлично.

Алевтина Андреевна в сердцах отложила вилку и принялась пить апельсиновый сок.

– Ну, по-моему, ничего страшного, – успокаивающе сказала Элеонора. – Они все трое хорошо дружат – и Олег, и Маша, и Тоня. Пускай общаются, они молодые, им посмеяться, подурачиться хочется! Да и кому не хочется? – со смехом обвела она взглядом присутствующих.

Лариса знала, что у Губиных был взрослый сын Олег, который недавно женился, и что Тоня, дочь Лавриненко, с которой они вместе росли, часто приходит в гости к молодой семье. Теперь она увидела, что мама девушки крайне этим недовольна.

– Ну, давай я с ней поговорю, – предложил Николай Викторович.

– Нет уж, – отрезала Алевтина Андреевна. – Я сама поговорю. И не поговорю, а... Я уже ей сказала: и сотовый отберу, и летом никуда не поедешь! А то она на Средиземное море собралась. Я ей такое море...

– Аля, успокойся, – предостерегающе положил руку на плечо разошедшейся жены Николай Викторович, но та резким жестом ее сбросила.

– По-моему, Аля, ты все же преувеличиваешь, – примиряюще заговорил Василий Геннадьевич. – Наш Олег с детства дружил с Тоней, они вместе выросли, за одной партой сидели... Зачем отказываться теперь от этой дружбы, даже если он женился? Их отношениям с Машей

это никак не угрожает, тем более что она сама не против Тони! Ведь именно Тоня познакомила Олега с Машей, в конце концов!

– Дружба между двумя женщинами и одним мужчиной – это так романтично, так пикантно! – воскликнул вдруг развалившийся на стуле Котов. – Все правильно, долой предрассудки и стереотипы! Да здравствуют свободные отношения!

– Господи, что ты несешь! – тихо прошипела Лариса. – Ты уже даже трезвый не контролируешь свои слова!

– А что я такого сказал? – недоуменно завертел головой Котов.

Остальные попытались сделать вид, что не заметили откровенного намека в словах Евгения, а Элеонора, искренне желая сгладить его бестактность, вдруг сказала, заговорщицки подмигнув присутствующим:

– Честно говоря, я была уверена, что они поженились с Тоней, и заранее радовалась. Мы столько лет дружили с вами, а благодаря детям еще и породнились бы! Право, это было бы здорово!

Алкоголь уже стал сказываться на ней – глаза Губиной заблестели, щеки покраснелись, и она уже не старалась тщательно соблюдать этикет.

– А он вдруг привел Машу, – продолжала она, отрезая кусок бифштекса. – Просто как гром среди ясного неба! Мы же ее совсем не знали. Нет, я ничего не хочу сказать, Маша славная девочка, – спохватилась она. – Но все же Тоню мы знали совсем крошечной. Я ее даже на руках нянчила, помнишь, Аля? – На лице Элеоноры появилось ностальгическое выражение.

– Эля, какое это имеет значение? – поморщился Губин. – Главное, чтобы они жили дружно. А все остальное – их дело.

– Да, – вздохнула Элеонора.

– В их-то возрасте дружно! – укоризненно покачала головой Алевтина Андреевна. – Да они могут развестись из-за того, что им разная жвачка нравится! Дети же еще совсем несмышленные.

– Да, – снова вздохнула Элеонора Николаевна. – Я тоже считаю, что это немножко рано – жениться в двадцать лет. Но они были так влюблены... К тому же мы, слава богу, живы, помогаем всем, чем можем, абсолютно! А свадьбу какую закатали... Помнишь, Аля? Я все средства на нее угрохала, что на дачу копила. Ну, ничего, вот снова накоплю – тогда купим.

– Никогда не понимал этой твоей затеи, – заметил супруг. – У нас же есть дача.

– Ах, что это за дача, – досадливо возразила Элеонора. – Там такой шум. И места мало. Нет, нам определенно нужна другая.

– Ну что ж, это дело твое, – спокойно пожал плечами Василий Геннадьевич. – Поступай как знаешь.

– Но раз единственному ребенку нужно – разве я стану спорить и думать о себе? – вздохнув в очередной раз, продолжала щебетать Губина. – Как же позволишь, чтобы у него свадьба скромная была? Для детей и живем, в конце концов! – И она поправила выбившуюся из-за уха светлую кудряшку.

– Я тебе говорила, что лучше было выбрать «Континент», – наставительно сказала Алевтина Андреевна. – Там не так дорого, и кухня вполне приличная.

– Лучше всего было выбрать Ларочкину «Чайку», – подлизываясь к супругу, с набитым ртом проговорил Котов. – Вот там кухня просто изумительная.

– Боже мой! – ахнула Элеонора. – А я ведь даже и не подумала об этом!

Вид у нее стал расстроенным и горестным. Василий Геннадьевич, заскучавший от этой темы, постарался ее нейтрализовать.

– Стоит ли расстраиваться из-за того, что уже прошло? Свадьбу хорошо сыграли, а где – разве так уж важно?

– Ну, ничего. Вот в другой раз будет жениться – тогда непременно в «Чайку»! – оптимистично выдал Котов.

– Женя! – ахнула Лариса. – Да что ты говоришь!

– Да я пошутил просто, – оправдывался Котов. – Я просто чтобы развеселить вас, а то все сидят какие-то напряженные, из-за мелочей переживают. Сегодня же праздник, друзья мои!

– Эля, а что ты там говорила насчет культурной программы? – быстро спросила Лариса. – Мне кажется, сейчас самое подходящее для этого время.

К этому моменту уже было немало съедено и выпито, разговор на тему отцов и детей, похоже, себя исчерпал, поэтому все с интересом уставились на Элеонору, ожидая от нее чего-то забавного.

– Я сейчас кое-что принесу, – с загадочным видом произнесла она и, поднявшись со стула, скрылась в соседней комнате. Вскоре Элеонора вернулась, неся в руках толстую книжку в глянцевой обложке. – Мы сейчас будем гадать, – торжественно провозгласила она и засмеялась, увидев вытянувшиеся лица Лавриненко. – Да, да, не удивляйтесь. Мы совершенно забыли, как это делается, и я хочу вспомнить. К тому же это жутко интересно!

– А на что же гадать-то? На суженого? – с иронией спросил Николай Лавриненко. – Так он тут у всех, кажется, давно определен.

– Ой, ну что вы все так примитивно мыслите! – поджала губки Элеонора. – Тут же масса самых разных гаданий собрано. И на успех в делах, и на здоровье, и на деньги, и на то, изменяет вам супруг или нет, и даже... – она хитро посмотрела на Котова, – даже на то, будет человек пить или нет. Вот, кстати, Женечка, тебе не мешало бы на это погадать.

– Ну, это все ерунда, – пренебрежительно проговорил Евгений. – Все зависит от силы воли, а у меня она, слава богу, есть.

– А все-таки, все-таки давайте проверим? – не отставала Элеонора. – Что ты так боишься, Женечка, если уверен в себе?

Лариса с усмешкой наблюдала за происходящим. Нельзя сказать, чтобы она так уж верила гаданиям, тем не менее ей было очень интересно. Совсем как в годы юности, когда они с подружками зажигали свечи, ставили зеркало, а перед ним стакан с водой и внимательно вглядывались в отражение, пытаясь найти там черты будущего возлюбленного. То же ощущение сказочного волшебства и ожидания чуда возникло в ней и теперь. Она даже ощутила запах свечного парафина – неперемennого атрибута всех гаданий.

«Господи, как хорошо, что в компании есть Элеонора, – подумала она, глядя на жизнерадостную женщину. – Лавриненко вряд ли пришло бы в голову таким образом разнообразить свой досуг».

Тем временем Элеонора уже приготовила блюдце с водой и зажгла изящную фигурную свечку. Все с любопытством сгрудились вокруг стола.

– А теперь, Женя, бери свечу и, повторяя про себя «Я больше не стану пить», держи ее над блюдцем. В него начнет капать воск. Ну, в смысле, парафин. Если капли начнут плавать, то пить ты будешь, а если застынут на месте – считай, что тебе крупно повезло.

Котов скептически хмыкнул, однако свечу взял. Он осторожно поднял ее над блюдцем и стал пристально вглядываться, сосредоточенно наморщив лоб, произнося про себя свое желание. Лариса стояла вплотную к нему, дыша в плечо мужу и с нетерпением наблюдая за каплями воска. Вот несколько из них упали на блюдце и застыли.

– Может быть, хватит? – обрадованно и в то же время встревоженно спросил Котов.

– Нет-нет, – шепотом отозвалась Элеонора. – Нужно, чтобы упало хотя бы десять капель.

Котов покорно вздохнул и продолжал держать свечу. Наконец капель на блюдце собралось достаточно. Все они спокойно стояли на месте, и только одна, самая озорная, начала плавать, словно поддразнивая начинающего трезвенника.

– И что это значит? – презрительно спросил Котов.

– Ну, видимо, то, что у тебя есть все шансы, но все зависит от тебя. Если сам не будешь играть с огнем, все будет в порядке, – расшифровала Элеонора.

– Это я и без гаданий знаю, – фыркнул Евгений, ставя свечу на стол и отходя в сторону. Однако было заметно, что он остался очень доволен гаданием.

– Тебя можно поздравить, – с улыбкой сказала ему Лариса.

– А ты сама не хочешь погадать на что-нибудь? – покосился на нее супруг. – На взаимную верность, допустим?

– Ты знаешь, меня это уже меньше всего интересует, – тихо ответила Лариса и вернулась к столу.

Там Элеонора Губина в этот момент гадала, что ее ожидает в будущем году. Она смяла лист бумаги на тарелке и подожгла его, и теперь сосредоточенно вертела тарелку, глядя на тень от изображения на стене и пытаясь определить, что может означать это многоугольное безобразие.

– Видимо, так будет выглядеть твоя новая дача, – пошутил Николай Лавриненко.

Элеонора погрозила ему пальчиком и сказала:

– А вот еще интересное гадание, касается всех. Ставятся стаканы, а в них кладут разные вещи. Ну, там деньги, сахар, хлеб, обручальное кольцо, соль... Один ставят пустой. Потом завязывают глаза. С чем стакан вытащишь, тем и будет год наполнен. Сахар – сладкая жизнь, хлеб – достаток, и так далее. Пустой – значит, пустой год.

– А с водой? – спросил Котов.

– Слезы лить будешь! – отрезала Элеонора.

Все увлеклись этим гаданием, даже у Алевтины загорелись глаза. А Элеонора резво поставила стаканы в круг, положила в них разные символические вещи, потом потушила свет. Алевтина вызвалась гадать первой и попросила мужа покружить ее на одном месте, чтобы она потеряла ориентировку в пространстве. Супруг выполнил пожелание, но так старательно, что после вращения Лавриненко чуть было не упала. Но тем не менее, опять же с помощью супруга она восстановила равновесие и приступила к выбору стакана.

Ей досталась соль.

– Это что? – покосилась она на Элеонору.

– Значит, кто-то весь год солить тебе будет, пакости всякие делать.

– Слушай, а можно я перегадаю? – расстроилась Алевтина Андреевна.

– Нет-нет, что выпало, то выпало! – довольно злорадно ответила Элеонора и принялась завязывать глаза супругу.

Тот вытащил стакан с деньгами и, хмыкнув, успокоился. Николаю Лавриненко достался хлеб, самой Элеоноре сахар, Лариса тоже вытащила деньги, а Котов под всеобщий смех – обручальное кольцо. Поймав ехидный взгляд развеселившейся супруги, Евгений с презрением отшвырнул стакан и произнес:

– Словно дети малые, во всякую ерунду верите.

– А вот и не ерунда! – запротестовала Элеонора, для семейства которой предсказание оказалось благоприятным. – Просто нужно верить. А вот еще одно гадание, совсем простое. По книжке: пальцем наугад тыкаешь и читаешь, что ждет в самом ближайшем будущем.

– Я больше не стану рисковать, – заявила Алевтина Андреевна. – Это, может, и впрямь чушь собачья, а я расстроюсь потом. Ну вас совсем...

– Ну, как хочешь, – пожала плечами Элеонора. – А мне интересно.

– Мне тоже! – поддержала ее Лариса.

Когда настала ее очередь, она, проговорив про себя заветное желание, с закрытыми глазами ткнула пальцем в страницу.

– Так-так... – потеряла ладони Элеонора. – Слушай: «Вас ждет нечто загадочное и опасное. Если не боитесь – вперед. Удача в ваших руках!» Ух, как интересно! – проворковала она. – О чем это, как ты думаешь, Лара? Может быть, о твоих криминальных делах?

– Моя жена уже полгода этим не занимается, – встрял Котов. – Я надеюсь, что больше и не будет.

– Не знаю, – честно призналась Лариса. – В последнее время и впрямь ничего «такого» не происходит. Может, и не доведется мне больше ничего расследовать. С одной стороны, мне спокойнее, а с другой – хочется вспомнить и получить острые ощущения.

– Ларочка, ты уже переловила всех преступников, – сказал Котов. – Так что больше и заниматься нечем. Наслаждайся своим рестораном и семейной жизнью.

Лариса уже хотела было съязвить насчет того, что наслаждение жизнью с Котовым весьма и весьма сомнительно, но вспомнила, что сегодня все-таки Рождество, тем более так удачно отмеченное, и ей расхотелось портить праздник самой себе.

Они еще некоторое время гадали на всем подряд, шутили и смеялись, пока все не почувствовали усталость и желание лечь спать.

– Ну что, пора прилечь, что ли? – зевая во весь рот, спросил Котов.

– Ну вот, – огорченно проговорила Элеонора. – Только-только начали веселиться!

– Ты посмотри – уже половина пятого, – ответил ее супруг. – В самом деле пора спать. Пойдемте, я вас проведу в комнаты.

Лариса, несмотря на то, что ей было очень весело, тоже чувствовала, что пора отдохнуть. Она приняла душ и прошла в комнату, приготовленную для нее и Евгения. Котов еще не спал. Когда Лариса легла в постель, он обнял ее и принялся гладить по груди.

– Женя, – укоризненно сказала она ему, – ты не мог найти более подходящего момента? То ты месяцами не вспоминаешь о сексе, а теперь тебе приспичило.

– А меня возбуждает непривычная обстановка, – прошептал ей на ухо Котов.

– То-то я и смотрю, что ты постоянно ищешь связей на стороне, – не выдержала и упрекнула Лариса. – Конечно, там же все непривычно.

– Что ты говоришь! – с оскорбленным видом возмутился Евгений. – Я уж и не помню, когда в последний раз так поступал.

– Зато я помню, – холодно сказала Лариса и, повернувшись к мужу спиной, ясно дала ему понять, что не настроена на нежности.

Обиженный Котов почти сразу же захрапел, вскоре Лариса и сама погрузилась в сон. Прервал его пронзительный телефонный звонок. Это было очень неожиданно и моментально вывело Ларису из состояния сна. Она слышала, как по коридору быстро простучали каблучки Элеоноры, а затем раздался ее приглушенный голос:

– Аллю?

Лариса слышала, как в голосе Элеоноры появилось волнение, она задавала какие-то вопросы, а затем буквально прокричала в трубку:

– Господи, да что случилось-то? Когда? Когда ты приедешь? Немедленно приезжай, слышишь?

Потом раздался глубокий вздох, Элеонора вернулась в свою комнату, но почти тотчас вышла оттуда, о чем-то вполголоса переговариваясь с мужем. Они прошли вниз.

У Ларисы пропал весь сон. Некоторое время она лежала, ворочаясь с боку на бок, потом не выдержала и тоже спустилась вниз. Губины сидели за столом, на плите стояла турка с варившимся кофе. Глаза у Элеоноры были покрасневшими, она нервно курила. Ее муж мрачно смотрел на стоявшую перед ним рюмку с водкой, потом поднял ее и залпом выпил.

– А, Лара, – повернула голову на шум шагов Элеонора. – Мы тебя разбудили? Извини, садись. Тут произошло такое...

Она всхлипнула и закрыла лицо руками. Василий Геннадьевич сдержанно погладил ее по плечу.

– Что случилось? – тихо спросила Лариса. – Вы можете мне рассказать?

– Сейчас позвонил Олег. Он сказал, что у них была вечеринка, а теперь один из гостей убит... И Олега подозревают!

– Как? Это случилось у них дома? – поразилась Лариса.

– Нет, убитого нашли в подъезде... А Олег с Машей в этот момент оставались дома.

– Стоп, где нашли? В подъезде их дома? – уточнила Лариса.

– Нет, там, где он сам живет, этот убитый, – растерянно ответила Элеонора и вдруг отчаянно махнула рукой: – Впрочем, я до конца толком и не поняла.

– Но если в другом подъезде, то тогда при чем тут Олег? Почему его подозревают? – не отставала Лариса.

– Он сказал, что они поругались, поскандалили с ним. Потом парня отправили домой, Олег вроде бы тоже вышел куда-то... И теперь... Ах, я ничего не понимаю! – Элеонора прижала к вискам пальцы и сморщилась.

– Эля, успокойся, – подхватывая турку с готовым выплеснуться кофе, сказал ее супруг. – Сейчас Олег придет и все расскажет. Думаю, что все не так уж страшно. Давайте пока пить кофе. Могу добавить в него коньяк, если кто желает.

– Да, мне налей, пожалуйста, – шмыгнула носом Элеонора.

Губин деловито разлил по чашкам кофе, плеснул себе и жене коньяка и вопросительно посмотрел на Ларису.

– Да, немного, – кивнула та.

Помешивая ложечкой сахар, она размышляла.

«Видимо, предсказание сбывается... Вот оно, нечто загадочное и опасное. Вероятно, мне придется стать участницей этого дела, хотя я еще ничего толком не знаю».

Вскоре раздался нервный звонок. Элеонора поспешила к домофону и поспешно открыла дверь. В кухню прошел молодой симпатичный парень с рыжими кудрями и растерянными серыми глазами. В нем Лариса узнала Олега Губина, которого видела пару раз. Вид у него был взбудораженный, воротник дорогой джинсовой рубашки расстегнут.

– Господи, Олежа, на тебе лица нет! – всплеснула руками Элеонора, хлопоча вокруг сына. – Давай, выпей кофейку. Может, поешь?

– Нет, – помотал головой Олег. – Ничего не хочу, закурю просто...

Элеонора тут же пододвинула к нему пепельницу. Олег рассеянно стряхивал в нее пепел, потом неожиданно поднял на Ларису глаза и сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, – улыбнулась ободряюще Лариса. – Ты меня, Олег, не стесняйся, говори. Но если ты против, я могу выйти.

Олег вопросительно переводил взгляд с отца на мать, не зная, что ответить. Лариса поднялась.

– Сиди, – остановил ее Губин-старший. – Пусть говорит.

– Ларочка, может быть, ты подумаешь, что можно сделать, и поможешь Олежику, – умоляюще посмотрела на Ларису Элеонора. – Ты же сталкивалась с такими делами... А здесь, я уверена, просто какое-то недоразумение.

– Для начала мне нужно все выслушать и расспросить вашего сына, – пожав плечами, сказала Лариса. – А потом уж я решу, что можно сделать.

– Да, да, ты, главное, послушай, – закивала Губина.

Олег докурил сигарету и заговорил:

– Мы отмечали праздник все вместе... Серега Никитин напился и начал буяннить. Мы его утихомирили, как могли, и домой спровадили. Я взбодурился и вышел на улицу, чтобы успоко-

иться. Дошел до ларька, пива купил. Посидел сначала возле дома, на лавочке, а потом в сквере. Пива попил, заодно свежим воздухом подышал... А потом пошел домой. Мы уже спали, как тут позвонил Димка Шатилов и сказал, что Серегу мертвым нашли в собственном подъезде. Его родители обнаружили, они прогуляться хотели перед сном – тоже праздник отмечали. Увидели сына, ошалели, конечно... «Скорую» вызвали и милицию, только он уж мертвый был... А потом они позвонили Димке, чтобы узнать, что произошло. А Димка нам позвонил и сообщил... Он и говорит, что менты могут на меня подумать, потому что мы поскандалили и я выходил следом за Серегой. Никто же не знает, что я просто в сквере пиво пил.

– Ты пошел один? – барабанила пальцами по столу, спросил отец.

– Да...

– А кто тогда у вас дома был?

– Маша и Тоня. Все уже разошлись к этому времени. Вернее, те, кто оставался, после скандала с Серегой стали расходиться, а некоторые раньше ушли.

– А кто вообще у вас был? – позволила себе вмешаться Лариса.

– Так, ну... – Олег закатил глаза. – Значит, мы с Машей, Тоня, Серега, Димка, Оксана Комолова. Это все Машины однокурсники, – пояснил он. – Еще из одноклассников были Айрапет Варданян с девушкой и Ювеналий.

– Кто? – удивилась Лариса.

– Ювеналий Добрынин, тоже у нас учится, в экономическом. Он такой... странноватый несколько, на религии помешанный... Но парень интересный и умный, поэтому мы его и приняли в компанию. Вот Айрапет в нее не очень вписывается...

– Почему? – заинтересовалась Лариса.

– Ну, он... – Олег замялся, – туповатый, одним словом. Учится за деньги исключительно. И все время пытается с нами подружиться, просто навязывается. Ему непонятно – почему мы с ним не дружим? У него же тоже деньги есть, а мы его за изгоя считаем. И не понимает, что не в деньгах дело, а в интеллекте. Нам с ним просто скучно, откровенно говоря. К тому же он несдержанный и вспыльчивый. Как и положено дитю гор, – усмехнулся он. – А он все пытался к нам подлизаться, угощал пивом, продукты покупал, только чтобы его в гости пустили. Ну, нам надоело от него отвязываться, мы и махнули рукой. Вот и сегодня он приперся со своей Наташей.

– А что за Наташа? – нахмурился Василий Геннадьевич.

– Да! – Олег махнул рукой. – Обыкновенная шалава, мы ее и знать толком не знаем. Насколько я знаю, учится на каких-то парикмахерских курсах. С Айрапетом ходит, потому что у него денег много и он на нее их тратит. Мне она, кстати, совершенно неинтересна. Впрочем, как и остальным.

– Хорошо, а еще кто?

– Больше никого. Остальные все хорошие знакомые, как я говорил, мы вместе учимся. Серега с Димкой дружили, не разлей вода. Они оба такие... – Олег несколько замялся. – Ну, короче, Бивис и Баттхед. Придурки... Покурлесить любили, подурачиться, подраться даже. Серега вообще, когда выпьет, неуправляемый. Димка все же поспокойнее. Но тоже буянистый. И вечно аферы какие-то в голове у них. Я даже удивлялся, почему Сергей с Любой встречался.

– А что за Люба? – спросила Лариса.

– Люба Лицедеева, скромная такая девушка, с серенькой внешностью, – объяснил Олег. – Она из района какого-то приехала. Кстати, сама поступила, что удивительно... Голова у нее соображает хорошо. Но она тихая, незаметная, серьезная... А Серега бесшабашный, вечно в разные истории влипает. И бухал часто. По пьянке сколько раз нарывался, что ему морду били.

– Кто? – уточнила Лариса.

– Да кто угодно! Не мы, конечно, а незнакомые. Ну, прохожие, к которым он цеплялся. Он вечно задерется первым, а потом сам же в глаз получает. Я думаю, его за это из казино и выгнали.

– А он работал в казино?

– Да, там же в вечернее время работа, он успевал и учиться, и работать. Да и учился-то он так, через пень-колоду. Зато хвастался, что денег много получает. Только он их все на ветер бросал. А потом притих как-то и перестал на работу ходить. Мы спрашивали – почему, но он неопределенно отвечал, говорил, что не нравилось ему там, хотя вначале все наоборот было. В общем, не разберешь, что там за история. Да он и нас сколько раз доставал своим куражом пьяным. И сегодня вот тоже... Напился, начал к Тоне приставать. Ну, я и не выдержал, с лестницы его спустил. Он еще потом под окнами орал, что мы... – Олег слегка помялся.

– Что? – поторопила его мать. – Что орал-то?

– Ну, короче, что мы все нехорошие люди. Матом он орал, – пояснил Олег.

– И соседи слышали? – уточнила мать.

– Слышали, конечно.

– Кошмар какой!

– Да кошмар-то начался дальше. Шатилов потом обиделся за друга, говорил, что мы все тоже... – Олег снова помялся. – Ну, в общем, нехорошие люди, нормальных пацанов обижаем. А мы чего, должны выходки, что ли, их терпеть, если они пить не умеют?

– Конечно, не должны, – поддакнула Элеонора. – Правильно, что спустил с лестницы его. И не надо было их привечать.

– Да никто ж не думал, что так будет, – понурил голову Олег.

– Хорошо, а что было дальше? – строго спросил отец. – После того, как ты пиво выпил?

– Пришел домой, там Машка с Тонькой на кухне о чем-то шушукались. Я заглянул к ним, они от меня отмахнулись, видно, секретничали, ну я и пошел спать. А потом уже Шатилов позвонил. Машка трубку взяла, потом мне передала. Вот я и узнал, что случилось.

– Где живет этот Никитин? – спросила Лариса.

– Около клуба «Джуманджи», на Садовой, – ответил Губин.

– Далеко от вас, – констатировала Лариса.

– На машине пятнадцать минут, – поправил ее Василий Геннадьевич.

– Ну ладно, это имеет значение только в том смысле, какое районное отделение будет заниматься делом, – сказала Лариса. – А когда разошлись другие гости?

– Айрапет с подружкой ушли раньше всех. Потом за Оксаной жених заехал. А тут как раз Серега скандал учинил, и я его выставил. Затем Ювеналий отчалил – ему в церковь, что ли, нужно было идти... Ну а дальше – я уже рассказывал.

– За Оксаной заехал жених, говоришь? – уточнила Лариса.

– Ну да. Роман его зовут.

– А что он за человек?

– Оксана с Ромой нормальная пара, – ответил Губин. – Оксана тоже из района какого-то, но смотрится как типичная горожанка. В смысле, одевается со вкусом, держится уверенно. Люба на ее фоне просто замухрышечка. Это внешне, правда, а с интеллектом у нее все более чем в порядке, я уже говорил. А с Ромой Оксана где-то в кафе познакомилась позапрошлым летом. Серьезный парень, с машиной, все дела... Бизнесмен какой-то. Но он не из нашей компании, вообще человек, как бы это сказать – левый... А человек он спокойный, надежный, к Оксане хорошо относится. Они, по-моему, пожениться собираются. Но я его не очень хорошо знаю.

В этот момент послышались шаги, и в кухне показались супруги Лавриненко. Оба были одеты.

– Олег? – удивленно посмотрела на парня Алевтина Андреевна. – Что-то случилось?

Олег вздохнул и вопросительно посмотрел на отца.

– Да, – коротко сказал тот. – Убили однокурсника Маши. Они вместе отмечали праздник, потом разошлись, и парня нашли мертвым в подъезде его дома. Вот и все.

– Господи! – ахнула Алевтина Андреевна и опустила на стул. – А где Антонина? Она же была вместе с вами!

– Она у нас с Машей осталась, – тихо сказал Олег.

– Так, немедленно едем за ней! – поднялась Лавриненко и потянула за собой мужа, который неуверенно топтался на месте.

– Аля, я не думаю, что это разумно, – взял женщину за руку Василий Геннадьевич Губин. – Пускай девочки побудут вместе, Маше тоже наверняка не хочется оставаться одной после всего этого. Может быть, они поспят немного. А вы пока послушайте Олега, утром забере рете дочь.

– Нет уж! – Алевтина Андреевна решительно отстранила Василия. – Нечего ей там делать! Вот, я говорила... Я всегда была против этой компании. Искала себе приключений – вот и доискалась!

– Аля, ты так говоришь, словно Олег с Машей в чем-то виноваты! – с упреком воскликнула Элеонора.

– Я вовсе не это хотела сказать, – возразила Лавриненко. – Просто я всегда считала, что Тоне там делать нечего. Она у меня теперь вообще никуда не выйдет. Будешь ее на работу отвозить и обратно, – приказным тоном обратилась она к мужу. – И пускай дома сидит, никаких ей компаний!

– Аля, это чересчур! – попытался возразить супруг, но Алевтина Андреевна, не слушая его, уже пошла в коридор обуваться.

Николай Викторович развел руками и, извинившись и поблагодарив за вечер, поспешил за ней. Элеонора выглядела совсем убитой. В это время в дверях кухни показалась сонная физиономия Котова.

– Что у вас тут за шум? – спросонья невнятно спросил он.

Никто не ответил, и Котов тяжело опустился на стул, потянувшись за сигаретой. Элеонора снова начала всхлипывать. Лариса успокаивающе сжала ее руку и сказала:

– Пока ничего страшного я не вижу. Все можно уладить. Никаких прямых улик против Олега нет.

– Правда? – с надеждой посмотрела на нее, а потом на мужа Элеонора.

Василий Геннадьевич кивнул, однако лицо его оставалось мрачным.

– Да что, черт возьми, произошло? – воскликнул Котов. – Объясните, в конце концов!

– Убили одного приятеля Олега, – поведал Губин-старший. – Его самого не было дома в тот момент, а перед этим они поскандалили. Прямых улик действительно нет, но нервы могут потрепать. Нужно будет сделать звонок, у меня есть знакомый в УВД...

– Но разве Ларочка нам не поможет? – подняла глаза Элеонора.

– Пока не знаю, – призналась Лариса. – Нужно ли?

– Что? – пораженный, подал голос Котов. – Господа, я хочу сразу заявить, что моя жена давно уже не занимается никакими криминальными расследованиями! И именно с того момента наша жизнь стала спокойнее. Поэтому я не допущу, чтобы она снова взялась за старое.

– Наша жизнь стала спокойнее с тех пор, как ты бросил пить, – устало поправила его Лариса.

– А я снова начну! – вдруг заявил Котов тоном упрямого, капризного ребенка. – Я тебе категорически заявляю, Лара, если ты опять начнешь заниматься этой дурью, я стану пить. Причем еще хлеще, чем раньше.

– Евгений, что ты говоришь! – в ужасе схватила за голову Элеонора.

– Замолчи, пожалуйста, – попросила супруга Лариса. – Я пока ничего не решила, я слушаю Олега.

– Да я, собственно, все уже рассказал, – пожал тот плечами. – Честно говоря, я боюсь идти домой... Вдруг там уже милиция? Они же сразу должны к нам поехать, выяснять, что было вечером... А у меня сил нет давать какие-то показания.

– Нечего тебе туда ехать, давай-ка лучше спать ложись, – засуетилась Элеонора. – И вообще, с Машей вместе нужно было приходить. Надо ей позвонить и сказать, пускай тоже сюда приезжает. Успеете с милицией пообщаться. Заодно решим, что им говорить.

– Так, я сразу предупреждаю – никакого вранья, – вмешался Василий Геннадьевич, строго посмотрев на сына. – Тебе ведь нечего скрывать, верно? К тому же там была уйма народа, и если ты станешь врать, начнется такая путаница в показаниях, что тебе только хуже будет.

– Да я что, – вздохнула Элеонора, – я же как лучше хочу! – Олег, ты как себя чувствуешь? – спросила Лариса.

– Да ну как... Неважно, конечно, – ответил Губин.

– Я имею в виду другое: ты можешь сейчас подробно рассказать мне все-все, что у вас там происходило? Желательно с соблюдением хронологии событий.

– Могу, наверное... – нерешительно ответил Олег. – Только нужно кофе выпить. И может быть, даже с коньяком.

– Отлично, в таком случае пей кофе, мы с тобой уединимся, и ты все мне расскажешь...

Тем временем Губины посоветовались между собой и решили, что Василий Геннадьевич тоже должен ехать на квартиру к Олегу. Он быстро оделся, догнал Лавриненко на выходе из подъезда и сел вместе с ними в «БМВ».

– Он привезет Машу к нам, а то того и гляди милиция туда нагрянет, – объяснила эти действия Элеонора.

В собеседниках у нее остался один Евгений. Тот понимающе кивнул и показал глазами на бутылку с коньяком. Элеонора также молча согласилась. Котов налил рюмку хозяйке дома, а потом, немного подумав, махнул рукой и налил и себе, проводив взглядом Ларису и Олега, скрывшихся за дверью соседней комнаты.

– Пропадать, так с музыкой! – напыщенно заявил Котов и залпом опрокинул рюмку. – Хорошо пошло, даже удивительно, – прокомментировал он свое состояние немного погодя. – Может быть, еще выпить?

– Женя, зачем ты это делаешь? – сделала круглые глаза Элеонора. – Тебе же нагадали трезвую жизнь!

– Нагадали... – вздохнул Котов. – Лучше бы жену нормальную нагадали, а то вон опять... – Он показал глазами на дверь, за которой скрылась Лариса. – Элеонора, вот скажите мне, пожалуйста, – он взял хозяйку дома за руку, – у человека есть свой бизнес, ресторан, семья... Зачем ей еще и расследования?

– Ну, у каждого свое хобби, – уклончиво ответила Элеонора, кокетливо стреляя глазками на Котова.

– А я говорю – не женское это дело! – заявил Котов.

Он выпил всего одну рюмку, но его страшно повело. Ему захотелось карнавального веселья и одновременно женской ласки, он почувствовал стремление выговориться и одновременно был готов оказать сочувствие и даже нежность другому. В качестве этого другого, или скорее, другой, сейчас оказалась Элеонора Губина.

– Давайте еще выпьем, – произнес Евгений свою любимую фразу и наполнил рюмки коньяком.

А в это время в соседней комнате Лариса слушала подробный рассказ Олега Губина о вечеринке, которая состоялась в прошедшую ночь в его квартире по случаю Рождества, мысленно рисуя «картину».

Глава 2

– Пиво принес, водка принес, нарезка принес, курица копченый, ветчина, – загибал пальцы Айрапет Варданын, стоя в прихожей квартиры Губиных.

За ним с выражением презрения на лице наблюдала стоящая у косяка Антонина Лавриненко, высокая стройная девушка с короткой прической, одетая в джинсы и свободный голубой свитер. Ее лицо можно было бы назвать симпатичным, если бы не некая грубоватость, появившиеся явно раньше времени круги под небольшими резкими глазами и придававшие ему хмурое и холодное выражение, да еще острый подбородок. Весь ее облик был каким-то неженственным и угловатым.

Хозяева дома, Олег и его жена Маша, маленькая полнушка с круглым добродушным лицом и выразительным бюстом, были настроены более благожелательно.

– Проходите, проходите, – ворковала Маша. – Одежду вот сюда, пожалуйста, – сделала она жест в сторону вешалки, показывая пришедшей с Варданыном крашеной блондинке, куда повесить вещи.

– Ой, у вас здесь так классно! – выразила та свое восхищение новой мебелью. – Просто супер.

– Наташа, проходи в комнату, там тоже все супер, – с некоторой иронией произнес Губин.

– Ой, да у вас здесь просто рай! – восторженно воскликнула Наташа, проходя мимо безучастной Лавриненко в комнату.

– Эдем материального благополучия, – сострила Антонина наконец, отлепилась от косяка и со вздохом проследовала на кухню, открывая по пути пачку дорогих сигарет.

За ней прошла Маша с пакетом, принесенным Варданыном. Она принялась выкладывать продукты и выпивку на стол.

– Вы что, с ума сошли – на Рождество приглашать этого барана с его шлюхой? – понизив голос, спросила Лавриненко. – Зачем он тут сдался?

– Ой, ну... – растерялась сразу Маша. – Ну не говорить же ему было, что мы не хотим его видеть! К тому же он всегда такой щедрый, такой милый. Вон видишь, сколько всего принес!

– Только этим он и славен, наш армянский рыцарь гор, – как стихи, продекламировала Лавриненко.

Тоня была несколько высокомерной особой. Это качество, унаследованное от матери, подогревалось еще и высоким материальным уровнем, а также тем обстоятельством, что она заканчивала факультет иностранных языков в университете, уже работала переводчиком и относилась к друзьям, «господам экономистам», чуть свысока, считая себя гуманитарием, а значит, лицом более высокого разряда.

– Вы словно не понимаете, что этим он хочет купить вашу дружбу. А вот это все, – Тоня показала на продукты, – мы и сами легко могли бы купить. И какой стандартный набор, боже мой! Сразу видно, что у человека ни ума, ни фантазии.

– Да хватит тебе ворчать! – отмахнулась беззлобная Маша. – Пришли и пришли. Сидят, не мешают.

– Ладно еще Варданын, в нем хоть шарм какой-то есть, весьма, правда, сомнительный, – продолжила язвить Антонина. – Но эта крашеная выдра – просто кошмар какой-то! Где он ее подцепил?

– В парикмахерской, по-моему, познакомился.

– За версту видно.

– А что? По-моему, неплохая девчонка. Добрая.

– Ага, шлюха, – вздохнула Лавриненко. – И вкуса нет совсем. Оксана и то лучше, хоть и из деревни.

- Ой, да наплюй ты на все это! Сама себе праздник портишь.
- Из мужчин, кстати, никого интересного не намечается? – спросила Антонина.
- Маша застыла на месте, удивленно взглянула на Лавриненко.
- Мужчин? Ну... Я не знаю... Сергей с Димкой придут. Ювеналий...
- Первые два совсем неинтересные типы. А Ювеналий – это что, тот самый... урод церковный?
- Ну да, – приснула Маша в кулачок. – Только зря ты так, он хороший парень.
- Ну, в принципе получше, чем первые два, – задумчиво процедила Антонина. – Но все равно – православный экстремист он. От него по-настоящему мужского предложения можно всю жизнь ждать, как в Африке снега.
- А у тебя сегодня, Антонина, игривое настроение, я посмотрю, – улыбнулся вошедший в кухню Олег.
- Оно у меня всегда игривое, – тут же отпарировала Лавриненко. – А вы все никак нормальных пацанов не можете пригласить.
- Тебе вообще-то не угодишь, – сказал Олег. – И почему ты такая колючая?
- Жизнь потому что не сложилась, – вздохнула Лавриненко и выразительно посмотрела на Олега.
- Хм, в двадцать два года у нее не сложилась жизнь... Смехота, да и только.
- Тут в кухню заглянул Айрапет Варданян.
- Пачему грустный такие? Пачему не пьем, пачему не танцуем? – громко и весело ворвался он в разговор, щелкая пальцами, пританцовывая и с интересом поглядывая на Лавриненко. – Девушка такой хороший сидит, эх, джигита не хватает! Ну ничего, сейчас развеселим. Олег за двоих сойдет! Серега с Димкой придут. Водка пить будем, пиво будем...
- Антонина отвернулась и сморщилась. Айрапет или не замечал, или не хотел замечать ее неприязненного отношения и продолжал весело сыпать свои реплики.
- Я думаю, можно уже накрывать на стол, – сказала Маша. – Скоро все остальные придут.
- Она пошла в комнату, взяв с собой распечатанные продукты, а Олег достал из холодильника приготовленные загодя салаты. Наташа под села к Антонине и попыталась завести непринужденный разговор. Но Лавриненко отвечала односложно, сквозь зубы и старалась вложить в свой тон как можно больше презрения. Наташа, однако, не расстроившись из-за этого, хмыкнула, сунула в рот кусок ветчины с тарелки и, подхватив Айрапета под руку, потащила его в комнату. Немного постояв в одиночестве, Антонина направилась туда же. Задорный, многократный звонок в дверь застал ее на полпути.
- Тоня, открой, это Димка с Сережкой наверняка! – крикнула из комнаты Маша.
- Антонина распахнула дверь. Это и в самом деле оказались Сергей Никитин и Дмитрий Шатилов, закадычные друзья-приятели.
- Здорово! – фамильярно проорал с порога Никитин. – Я знаю, что у вас здесь наливают! А девочек хороших здесь целуют! – и вытянул губы куриной гузкой.
- Не, ты не думай, мы не на халяву пришли нажираться, – тут же добавил Шатилов, видя, как перекосилось лицо Антонины. – Мы водяры принесли, во! – Он сунул ей под нос полиэтиленовый пакет, в котором бултыхались три бутылки водки и баночка спрайта.
- Шатилов явно предлагал Лавриненко взять у него пакет. Та тем не менее, даже не удостоив его взглядом, повернулась и пошла в комнату. Там она села на диван и, взяв со столика стопку журналов, углубилась в чтение, всем своим видом давая понять, что в этом доме она единственный желанный и достойный человек, а все остальные – лишние.
- Тем временем в комнату, весело горлая, ввалились Шатилов с Никитиным. Они дружно поздоровались со всеми, похлопали Варданяна по плечу, а Шатилов, подмигнув, сказал:
- О, я вижу, у Айрапета в цветнике появилась настоящая роза. Сразу видно, истинный горец! – и скосил глаза на Наташу, говоря явно с издевкой.

– У него что ни цветок, то роза, – поддержал его Никитин. – Слушай, дорогой, поделись секретом, где таких девушек берешь?

– Э, места надо знать, слушай! – щелкнув пальцами, ликуяще отреагировал Варданян, принимая слова обоих парней за чистую монету.

Наташа, тоже расценив все это как комплимент в свой адрес, заулыбалась и постаралась придать своему лицу выражение светской львицы. Она покосилась на Лавриненко, равнодушно листаящую журнал, и, подражая ей, заложила ногу на ногу и томно откинула голову назад.

Олег с Машей, искоса наблюдая за гостями, переглядывались и улыбались, расставляя на столе закуску и выпивку. Тут раздался еще один звонок, прозвучавший очень аккуратно и даже как-то настороженно. На этот раз открывать пошел Айрапет. Через несколько секунд все услышали его громкий голос:

– А, Ювеналий, здравствуй, дарагой! Пачему опаздываешь? Нехарашо, друзья ждут, стол накрыт, водка стоит, пиво стоит, девушки такие сидят... Прахади, прахади, тебе штрафную надо наливать...

– А вы что, уже пьете? – послышался приглушенный и осторожный голос.

– Не, не, не пьем, не пьем, тебя ждем! Как можно без тебя, дарагой? – тараторил всю Варданян.

– Тогда мне штрафная не положена, – серьезно ответил невидимый пока Ювеналий, а следом прозвучал женский голос, негромко что-то сказавший.

– О-о-о, зачем девушка прячешь, э? – еще более восторженно завопил Айрапет. – Да ты у нас просто Ричард Гир! Какой красotka привез, а? О, да это наша Оксана! Прахади, дарагая, все заждались тебя! Стол накрыт, водка стоит, пиво... – начал он в десятый раз загибать пальцы.

Ювеналий вскоре показался в дверях комнаты. Он остановился перед большим зеркалом на стене и начал тщательно расчесывать волнистые темные волосы. Это был невысокий молодой человек, с аккуратно постриженными усами и бородкой, с овальным лицом. От него веяло архаичной благообразностью. Образ подчеркивала строгая одежда: серый свитер и темные брюки строгого покроя. Единственным ярким пятном на этом однообразном фоне был золотой зуб, который сверкал во рту молодого человека.

– Честь имею представить, Ювеналий Добрынин! – вальяжно раскинувшись на диване, провозгласил Никитин.

– А почему ты не в церкви? – спросил в свою очередь Шатилов. – Неужели решил, не дожидаясь полночи, по-светски нажраться?

– Ему до первой звезды нельзя, – ответил за Ювеналия Никитин. – А в церковь он наверняка завтра ни свет ни заря попрется.

– К заутрене пойду, – серьезно подтвердил Ювеналий, поздоровавшись за руку с Губиным и кивнув головой поднявшей в этот момент глаза Лавриненко.

– Прахади, чего стоишь, садись, вон со мной садись, – продолжал командовать Айрапет, замещая в роли хозяина невозмутимого и флегматичного Олега, который только улыбался со своего места. – И Оксану с собой бери, всем места хватит.

В этот момент вошла Оксана Комолова. Она тоже была одноклассницей почти всех находившихся в квартире людей, за исключением Губина и Лавриненко. Олег в прошлом году закончил институт, а Лавриненко в эту компанию вообще влилась только благодаря тесной дружбе с семейной парой Губиных.

Стройная, не очень высокая, с длинными распущенными каштановыми волосами, Оксана была одета в коротенькую юбочку-трапецию и приталенный пиджачок салатного цвета. Она приветливо поздоровалась сразу со всеми и уселась рядом с заботливо пододвинувшим ей стул Ювеналием, расправив юбку на коленях.

– Ну, короче, наливаем, – брякнул Никитин и начал именно с Оксаны.

Он, хитро глядя на нее и скашивая взгляд на Ювеналия, налил ей почти половину бокала водки. И не остановился бы, если бы она не возмутилась.

– Ты что, с ума сошел? Зачем так много?

– Водки много не бывает, – весело ответил Никитин.

– И женщин тоже, – откликнулся Шатилов, по-свойски подмигнув Оксане.

– А вот мужчин всегда почему-то много. Только количество никогда не переходит в качество, – процедила Лавриненко и удостоилась благодарного взгляда Оксаны.

– Как это не переходит? – взвился Никитин. – Ты сначала попробуй, а потом говори.

– Сколько ни говори халва, во рту слаще не станет, – отрезала Лавриненко и, отвернувшись, стала накладывать себе салат, сохраняя на лице высокомерное выражение.

– Девушка знает восточные пословицы! Что за умный девушка! – воскликнул Варданын. – Красивый, скромный, к тому же умный. Не девушка, сказка просто, мечта!

Тут он неожиданно осекся, увидев, как вытянулось лицо его пассии, и тут же перевел свое льстивое красноречие в ее сторону.

– Никто не сравнится, однако, с Наташей моей! – заорал он с чисто кавказской эмоциональностью.

– Тише, перепонки лопнуть могут! – отшатнулся Шатилов. – Хватит базарить, короче, выпить пора уже.

– Точно, – поддержал его Никитин.

– Мне пока не надо, – положил руку на рюмку Добрынин, оправдывая свое звание православного человека.

Никитин пожал плечами, буркнул что-то типа «нам больше достанется» и продолжил свою миссию по разливанию водки.

– А почему ты без Любы? – неожиданно спросила Оксана у Никитина.

– Да, действительно, Серега, а куда делась Люба? – спросил Губин. – Нам она так нравится...

– Я хотела за ней зайти, но она сказала, что вы вместе придете, – сказала Оксана.

– Да пошла она... – взмахнул рукой Никитин. – Достала уже своими истериками, дурища. Устроила мне праздник: заладила типа, куда ты три бутылки водки покупаешь. Я ей, естественно, сказал: сколько ни купи, все равно три раза бегать. А она, прямо как нудная жена, разоралась: я не пойду тогда никуда! Типа, ты, когда пьяный, – дурак. Я говорю, ну и не ходи, мне еще лучше, мы с Диманом нормально поспразднуем. А что, вон Тонька вечно сидит одна, так и ей будет веселее. С нами двумя, обоими свободными...

– Сомневаюсь, – не поворачивая головы в сторону Никитина, кинула реплику Лавриненко.

– Ах, ах, ах! – поигрывая ладонями в воздухе, тихонько передразнил ее Никитин, переглянувшись с Шатиловым, и оба дружно заржали.

– Если бы знала, что так получится, сама бы за ней зашла, – с досадой и укором в голосе проговорила Оксана. – Будет теперь девчонка весь вечер из-за тебя в одиночестве киснуть.

– Почему это из-за меня? – недоуменно пожал плечами Никитин.

– А потому! Ты ей все нервы истрепал, – с возрастающим негодованием сказала Комолова.

– А тебе-то что? – ошетинился Никитин. – Я ее насильно не держу, сама на меня повесилась, значит, нравится.

– Это не наше дело, конечно, – поспешил вмешаться Губин, – но все же ты, Серега, зря так с ней. Люба – милая девушка, и если ты не можешь с ней нормально общаться, лучше расстаться и голову не морочить.

– Вот именно, – неожиданно поддержал его Добрынин. – А так себя вести просто недостойно.

– Да святотатство просто! – картинно приложив руки к груди, воскликнул Никитин, насмешливо глядя на Ювеналия.

– Зачем ссоримся... Давайте пить лучше! Рождество – светлый праздник, всем дружить надо. Пить будем, гулять будем, целоваться будем! – вклинился в перепалку Айрапет, сверкая белыми зубами. – Первый тост – за дружбу. Наташа, бери рюмку!

– Ой, какая красивенькая! – воскликнула парикмахерша, восхищенно крутя в руках рюмку. – Дорогая, наверное?

– Да, – односложно ответил Губин, поднимая свой бокал с шампанским. – Давайте – за дружбу...

Все выпили, потом через некоторое время еще раз. И тут многие заметили, что у Никитина сердитое и озлобленное выражение лица. Его задели слова друзей, сказанные в начале праздника. Он некоторое время сидел, тупо бычась, а потом начал потихонечку задираться к Лавриненко. Никитин пытался начать разговаривать с ней по-английски, нарочно ломая язык и утрируя произношение, которое и так было у него ниже среднего уровня. Антонина скрепя сердце старалась не реагировать, понимая, что ее реплики только еще больше раззадорят возбужденного Сергея.

– Тоня, а ты бы пользовалась успехом на Пикадилли, – заявил вдруг Никитин. – Ты, кажется, в Лондоне была? Ну и как развлекалась? Я слышал, там процветают свободные нравы. Поделись своими впечатлениями с друзьями об английских леди.

При этих словах Шатилов сдавленно засмеялся, а Никитин, подбодренный реакцией друга, продолжил.

– Может, и мы с Диманом туда махнем.

– Нет, я все-таки позвоню Любе, – встала со своего места Маша и пошла к телефону.

Айрапет Варданын, почувствовав осложнение обстановки, решил разрядить ее, включив музыку на полную мощность. Тут же его обвила руками Наташа, и они стали танцевать. Встала со своего места Лавриненко и сама пригласила постного Ювеналия, который при этом чуть оживился, галантно поклонился и чинно повел ее на центр комнаты.

Шатилов развел руками и, притворно вздохнув, провозгласил:

– Ну вот, почти всех женщин разобрали. Как тут не запить от такой жизни?

Он налил себе и Никитину. Сергей, одним махом опрокинув рюмку, уставился на танцующих мрачным и злым взглядом. Глаза его покраснели, было видно, что алкоголь сильно подействовал на него. И подействовал не самым лучшим образом. В нем явно чувствовалась агрессия, готовая вырваться наружу в любой момент, лишь только появится объект для ее выброса.

В это время в комнату вернулась Маша, к которой тут же подскочил Шатилов и, кривляясь, опустился перед ней на одно колено, приглашая на танец. Маша нехотя положила руку ему на плечо, и они тоже присоединились к танцующим.

– Так что Люба? – спросил ее муж.

– Ее нет дома, – пожав плечами, ответила Маша. – Просто не знаю, где она может быть.

– Топиться, наверное, побежала, – сострил Шатилов.

Никитин при этих словах резко поднялся, подошел к Оксане и рывком потянул ее со стула в круг.

– Ты что? – возмутилась она. – Полегче нельзя? Я вообще-то не собиралась с тобой танцевать!

– А тебя и не спрашивают, – отрезал тот.

Тут забеспокоился даже Шатилов, примиряюще сказав:

– Серег, хорош, в самом деле, чо ты?

Никитин немного успокоился и уже повежливее пригласил Оксану. Та с недовольным выражением лица пошла с ним. В центре на абсолютно нестигающихся ногах двигался словно

аршин проглотивший Добрынин. Лавриненко же, видимо, пытаясь развлечь саму себя, прижималась к нему, гладила по спине и даже издавала вздохи. Невообразимо прямой и напряженный Ювеналий с каменным лицом продолжал мерно ее вертеть. Наконец танец закончился, и все вернулись к столу.

– Эх, харашо! – воскликнул разгоряченный Айрапет. – Теперь самое время еще выпить и под быструю музыку потанцевать.

– Лезгинку спляши! – бросил ему сидевший набычившись Никитин.

– А спляшу, что такого, э? – весело откликнулся полный оптимизма Варданян. – Думаешь, раз я армянин, то лезгинка плясать не умею? Хочешь, тебя научу, дарагой? – подмигнул он Никитину.

– Я тебя сам чему хочешь научу, – пробурчал тот и стал разливать водку по новой.

В этот момент прозвенел звонок.

– Это за тобой, Серег, – кинул Шатилов.

– Чо это за мной-то?

– Буянишь много. Олег ментов вызвал.

– Чего-о-о? – Никитин агрессивно воззрился на Губина.

Но хозяин дома, не снимая с лица улыбки, коротко пояснил:

– Юмор.

– Чего-о-о? – пуще прежнего взвился Никитин.

Тут Маша, проговорив: «Слава богу, это, наверное, Люба», – пошла открывать дверь. Но ее предположения оказались неверными – очень скоро в комнату вошел человек лет тридцати с добродушным круглым лицом, который воскликнул при входе:

– Чего шумим, а драки нет?

– Ща будет! – пообещал Никитин, нехорошо глядя на вновь прибывшего.

– Ты бы лучше, Никитин, зачет наконец сдал, – вздохнул гость. – Третий месяц уже «хвост» висит. Я тебе делаю поблажку: выучи только времена. Остальное – бог с тобой, все равно не осилишь. Бутылку поставишь, я тебе, так и быть, черкну закорючку.

– Это он может! – сказал Шатилов, прижимая руки к груди. – Вы не думайте, Валерий Григорьевич, что он пьяный, он все соображает. И английский он выучит... За бутылку.

– Под «бутылкой» имеется в виду виски, – с улыбкой уточнил Валерий Григорьевич.

– Вис-ки-и-и? Да вы чо? – протянул Никитин. – Я сам его сроду не пил! Давайте «Анапу», а?

– Торг здесь не уместен, – продолжая добродушно улыбаться, сказал Валерий Григорьевич.

– А вы, Валерий Григорьевич, в Англии были, да? – подлизываясь, спросил Шатилов, накладывая себе салат.

– Был, – коротко ответил тот, присаживаясь на уголок стола.

– А еще?

– А еще, Шатилов, я был молодым и рьяным, только поэтому я вам кое-что прощаю.

Валерий Григорьевич, строго посмотрев на Дмитрия и Сергея, повернулся к Оксане Комоловой.

– Ты придешь заниматься завтра? – спросил он.

– Может быть, пропустим, Валерий Григорьевич? – тихо ответила та. – Праздник все-таки.

– Ну, кому праздник, а кому работа, – усмехнулся мужчина.

– Эх, как вы много работаете, Валерий Григорьевич! – с наигранным восхищением протянул подхалим Шатилов.

– Тебе, кстати, советую начать делать то же самое, – откликнулся тот. – Трудотерапия – как раз то, что вам с Никитиным нужно.

– Так ведь мы учимся, Валерий Григорьевич, – приняв безмерно усталый вид, вздохнул Шатилов. – Когда ж еще работать?

– В таком режиме, как вы учитесь, можно одновременно числиться в трех вузах, да еще и работать. И нигде вашего отсутствия не заметят.

– Ну уж, вы про нас так говорите, будто мы с Серегой дебилы какие, – обиделся Шатилов. – Есть некоторые, кто и похуже нас учится.

– Да. Именно их и называют дебилами, – отрезал Валерий Григорьевич и повернулся к Губину.

– Ну что, Олег, понравился тебе «Ван дер Грааф Генератор»?

Губин сделал серьезное лицо, повернулся к шкафу, в котором аккуратно стояли компакт-диски, нашел нужный и с видом эксперта протянул:

– Немного мрачновато. Но тексты ничего, я пробовал переводить.

– Тексты замечательные, – поддакнул преподаватель, забирая диск. – Питер Хэмилл – это же герцог арт-рока! Ну а у тебя чего-нибудь нового не появилось?

– Прикупил недавно «Койл» в магазине по случаю.

– А это что такое?

– Вот послушайте, может быть, понравится. Они электронщики альтернативные, с эпатажиком кое-каким, там всякое ненормативное извращенчество, рассказы, запрещенные к продаже в Британии, пуканье в сортирах, голубизна и прочее.

– Фу, – скривился Валерий Григорьевич. – И ты такое слушаешь?

– Нет, там интересно. Декаданс, тексты – что-то типа Рембо. Они на него даже ссылаются.

– Ну ладно, давай, расширю свой кругозор, – согласился преподаватель. – А что это у тебя? – он полез в шкаф. – Ух ты, а я не слышал этого Боуи!

– Девяносто девятый, – прокомментировал Губин. – Жуть, серость полная, совсем свихнулся мужик на старости лет. Впрочем, если хотите, возьмите.

– Возьму, возьму. А тебе подкину на днях нового Фриппа. Идет?

– Безусловно, – отреагировал Губин.

Преподаватель английского убрал диски к себе в пакет, кинул взгляд сначала на двух оболтусов, развалившихся на диване, потом на Оксану, церемонно попрощался с Машей, прильнув губами к ее ручке, и вышел в прихожую. Когда за ним закрылась дверь, Никитин презрительно процедил:

– Пидарас. Может, догнать его? – посмотрел он на Шатилова.

– Зачем?

– По репе настучать.

– Да успокойся ты, Серега! Сегодня Рождество все-таки, – ответил Губин. – К тому же Садальский – нормальный мужик. Чего ты на него взъелся? Он тебе, по-моему, всегда зачеты ставил за просто так.

– Ага, за просто так! Бутылку «Гжелки» ему поставишь, он и распишется. А то – виски, виски!

– С твоими знаниями другой тебе и за ящик коньяка оценку не поставит, – отрезала Оксана.

– Фу-ты ну-ты, какие мы умные! – снова взъерился Никитин. – А чего же ты у него торчишь, дополнительно занимаешься?

– А мне с ним общаться интересно.

– Ага, музыку всякую заумную послушать. Вот Эй-Си-Ди-Си – это я понимаю. А то Олег давал мне послушать – я уж не помню, как называется, – уши вянут от их гнусавости.

Никитин скривил кислую физиономию, свидетельствующую о высокой степени отвращения, возникшего у него в результате прослушивания музыки, любимой филофонистом Губиным.

– Что ты ему давал-то? – спросила Антонина у Олега.

– Джетро Талл, по-моему, – вспомнив, ответил Губин.

– А, ну все понятно, – усмехнулась Лавриненко. – Слушай, Олег, а что за мужик сейчас приходил?

– Преподаватель наш по английскому языку, Валерий Григорьевич Сададьский, – ответил тот. – Он и у меня преподавал, и у Машки сейчас.

– Интересный тип, – процедила Антонина.

– И неженатый, – поддакнула Маша.

Никитин вдруг остановил свой взгляд на Лавриненко, и его осенило:

– А вот Тонька мне с английским все и срастит. За меня зачет сдаст, с Сададьским по тихой договорится, и все, – он многозначительно подмигнул Лавриненко. – Ты ж на него явно запала. Так вперед!

– Слушай, Серега, ты базар-то фильтруй, – помрачнел хозяин дома.

– Зачем так плохо говоришь? – поддержал его Варданян.

Ювеналий Добрынин осуждающе покачал головой, а сидевшая рядом с ним Оксана вспыхнула и уставилась в тарелку. Атмосфера в комнате продолжала накаляться. Антонина ушла из комнаты, не удостоив Никитина ответом. Наташа переводила непонимающий взгляд с одного лица на другое и глупо хлопала глазами.

– Пошла набираться опыта мастурбации, – прокомментировал исчезновение Лавриненко совсем разошедшийся Никитин. – Нет, ты смотри, Сададьский-то какой у нас мужик. Крышу срывает у молодых девчонок. Даже у таких нестандартных, как Тонька. Надо же, а, Диман? Ты чего сидишь вялый? – толкнул он в бок приятеля.

Шатилов, несмотря на то, что внутренне поддерживал Никитина, все же понимал, что тот сейчас переходит грань. Об этом можно было судить по тому, как наливалось кровью лицо обычно невозмутимого и радушного практически в любых ситуациях Олега Губина. Маша совсем растерялась – покраснела, затеребила скатерть и бумажную салфетку в руках и откровенно не знала, что ей делать дальше. Ювеналий по-прежнему сидел и осуждающе молчал, надувшись, как мышь на крупу. На выручку неожиданно пришла Оксана Комолова.

– Знаешь что, Сережа, – тихо, но твердо сказала она, – по-моему, тебе все-таки лучше отсюда уйти. Пока ты совсем не съехал.

– Куда это я съехал? – набычился Сергей.

– Да, в самом деле, Серега, ты сегодня перебрал, – поддержал Оксану Олег. – Иди-ка, пропись дома.

– Если ты поссорился с Любой, никто не виноват в этом, – сказала свое слово и Маша.

– Но для нее лучше будет, если она не станет с тобой мириться, – в сторону сказала Оксана.

Никитин снова взвился. Он поднялся над столом, но покачнувшись и, облокотившись на Варданяна, ткнул пальцем в Оксану.

– Эй ты! Ты еще тут вякать будешь? Забыла, кто ты такая, что ли? – угрожающе заговорил он. – Ща я тебе напомним.

Оксана встала, обогнула стол и, подойдя к Никитину, заглянула ему прямо в глаза. Потом, миролюбиво взяв его за руку, четко произнесла:

– Пойдем-ка поговорим на кухню. Только спокойно.

– Ну давай, поговорим, – все еще с угрозой согласился Никитин.

– Оксана, может, не стоит? – спросил Губин. – Или мне с вами пойти?

– Нет-нет, я его сейчас успокою, – тихо ответила Оксана, пока Никитин вылезал со своего места и пробирался мимо Варданяна и Наташи к выходу.

Оксана с Никитиным исчезли на кухне.

Маша вздохнула и, покачав головой, сказала:

– И до каких пор он будет третировать всех, кто приехал из района? Мне Люба рассказывала, что он каждый день ее этим попрекает. Мол, деревенщина, и все! А теперь за Оксану принялся. А сам, хоть и в городе родился, а тупица настоящий.

– Кто это тупица? – подал голос Шатилов.

– Ладно, ты еще, Диман, будешь нарываться, – раздраженно бросил Губин.

Наташа тем временем затеребила своего кавалера за руку.

– Айрапетик, может быть, пойдем, а?

– Куда пойдем? Зачем пойдем? Водка есть, пиво есть, не допили еще! – Варданян один из компании сохранял оптимизм и бодрость.

– Вот только праздника нет, – капризно посетовала Наташа. – Надо было в «Конек» идти, а теперь уже там мест нет. Говорила ведь тебе, заранее надо было столик заказать! А тебе как будто денег жалко стало. Или у тебя их нет? – провокационно спросила она.

Тут Айрапет взвился горным орлом. Он выпрямился и стал похож на греческую статую, стройную и совершенную. Это было так комично в обрамлении выпивки и закуски, что Губин, не удержавшись, засмеялся.

– Как денег нет? – не обращая внимания на реакцию людей, с театральной оскорбленностью вопрошал Варданян. – У меня денег нет?

Выдержав небольшую паузу, он сменил тон на горделиво-уверенный в себе:

– Я покажу сейчас, сколько у меня денег. Сейчас позвоню, и столик будет. Хочешь?

– Ха-чу! – капризно сказала Наташа и с вызовом посмотрела на Айрапета.

Тот решительно шагнул к телефону, чуть не сбив возвращавшуюся Тоню Лавриненко. Буквально через полминуты он подошел к Наташе и сделал широкий приглашающий жест в сторону двери.

– Пошли, дарагая! Через пятнадцать минут нас ждут. Машина поймает, водка будет, шашлык будет, все будет.

Завершив свой блистательный монолог, Варданян сделал церемонный общий поклон и бросил:

– Всех с Рождеством! Пейте, веселитесь, Айрапета вспоминайте. Я зайду дня через два, перед сессией.

Наташа с видом королевы, гордо подняв голову, прошествовала в прихожую, и через некоторое время оттуда раздался ее капризный голос, возвещавший о том, что Айрапет, видите ли, не так подал ей пальто. Затем после его картинных извинений послышался звук отпираемой двери и удивленный возглас:

– О, еще один гость! Заходи, дарагой. Извини, но мы уже уходим, нам пора.

– Кто там еще? – встрепенулась Маша, посмотрев на Олега.

Тот равнодушно пожал плечами и сказал:

– Сейчас увидим.

– Кто бы там ни был, он у меня сейчас получит... п-по башке! – неожиданно пристукнул указательным пальцем по столу Шатилов, которого откровенно развезло.

– Да хватит уже! – сердито прикрикнула на него Маша. – Давай лучше в самом деле домой собирайся и Сережку забирай. Хватит Оксане там нянчиться с ним.

– С кем это она нянчится? – послышался приятный мужской голос, и в комнату заглянул лохотенный молодой человек, с аккуратно прилизанными темными волосами. Он был одет в дорожную дубленку, а на его ногах красовались массивные тупоносые черные ботинки, начищенные до блеска.

– Привет, Рома, проходи, – пригласила Маша.

– Да нет, я на минутку, за Оксаной, даже разуваться не хочу.

– Ой, ну хоть выпей с нами за Рождество.

– Я за рулем, – пояснил Роман. – А где Оксана-то?

– А она про тебя забыла, – вызывающе произнес Шатилов. – Она с Серегой в кухне уединилась...

– Ой, да не слушай ты его! – поморщилась Маша и встала. – Сейчас я ее позову.

Роман, бросив на Шатилова презрительный взгляд, исчез в прихожей. Вскоре из кухни вернулась Оксана, попрощалась со всеми и направилась к выходу. Следом нетвердой походкой вышел, покачиваясь, Никитин. Но взгляд его был более спокойным и осмысленным... пока не наткнулся на Романа, спокойно державшего шубку невесты и ожидавшего, когда Оксана наденет сапоги.

– Привет автолюбителям, – задиристым тоном поздоровался Никитин.

Роман суховаато ответил на приветствие.

– Как состояние наших дорог, не вредит ли вашей крутой тачке? – продолжил Никитин.

– Нет, – односложно ответил Роман.

– В такой гололед и в аварию недолго попасть, а ремонт-то дорог, – не унимался Сергей.

– Ничего, у меня денег хватит, – усмехнулся Роман.

– А невеста не пострадает от этого? Она мне говорила, что ты за рулем полихачить любишь. Как бы ты не угробил девку.

– Не волнуйся, я осторожен.

– А может, ей все же лучше на другой машине поехать? – продолжал задиаться Никитин. – Тачку поймать – и за тобой следом. Правда, ты можешь ее и не дожидаться... Или нет, не так – к обеду как раз дождешься. Только это ничего, главное, – попытался он похлопать Романа по плечу, – все равно тебе ее вернут. Ну, поддержат малость, попользуют, тебе ж не жалко?

Роман резко сбросил руку Сергея со своего плеча и повернулся к Оксане, подавая ей шубу. Никитина это задело.

– Ты чо это? – грубо спросил Никитин.

– Ничего, – раздраженно ответил Роман.

– Ничо? – уточнил Сергей.

Роман пристально посмотрел ему прямо в глаза и спросил:

– Послушай, ты зачем нарываешься?

– А чо ты тут на меня бочку катишь, козел?

Роман, побледнев, уже шагнул к Никитину и занес руку для удара, как из комнаты вылетели Губин и Добрынин, услышав последнюю фразу Сергея. За их спиной виднелось перепуганное лицо Маши.

– Ром, а Ром! Успокойся, – заговорил Олег, перехватывая руку вышедшего из себя жениха Оксаны и отталкивая Никитина.

Тот, усмотрев в этом личное оскорбление, взъярился пуще прежнего.

– Ты чего это меня толкаешь, а? – прорычал он. – Всем по башке, что ли, настучать?

– Слушай, сейчас я тебе настучу! – не выдержал Олег и схватил Никитина за грудки.

На подмогу ему тут же двинулся Роман, и даже Добрынин сделал шаг вперед.

– Олег, не надо! – дрожащим голосом вскрикнула Маша.

Никитин, вырываясь из рук Губина, яростно матерился. Добрынин схватил его с другой стороны, а Олег, повернувшись к Роману и Оксане, тихо сказал:

– Давайте, идите быстрее отсюда. Мы с ним сами управимся.

Роман не согласился с таким предложением и остался на месте. Олегу пришлось повторить просьбу, а Оксана потянула жениха за рукав и шепнула:

– Пойдем, пойдем, он без нас лучше успокоится!

Роман нехотя двинулся за ней, обернулся у выхода, окинул взглядом картину и, вздохнув, вышел за дверь.

– Убью! – бился в руках Никитин, теряя, однако, силу.

– Давай домой, живо, а то сейчас и в самом деле врежу! – пообещал Губин.

– Куда это давай? – окрысился Сергей, но тон его стал ниже. – Там водка моя осталась, я не уйду, пока не выпью.

Маша стремглав кинулась в комнату, притащила оттуда начатую бутылку водки и сунула ее Никитину.

– Вот, забирай свою водку и уходи!

– Это чего я, в подъезде ее пить должен? – запротестовал тот. – Как лох, что ль, последний?

– Это твои проблемы! – рявкнул Губин, подталкивая Никитина к двери.

– Да вы чо, охренели, что ли? – заорал Никитин.

Олег, потеряв терпение, швырнул Никитина в руки Добрынину, сам резко шагнул к двери и, распахнув ее, пинком отправил Никитина на лестницу. Следом полетели его ботинки и куртка. Затем Олег яростно захлопнул дверь и повернул два раза замок.

– Эх и дурак! – покачал он головой. – Ну и дурак! Рожают же таких дураков!

– Это мы сами, извиняюсь, дураки, что вообще его в компанию пустили, – заметила Маша.

– Все от безбожия, от того, что духовной жизнью не живем, – укоризненно заметил Ювеналий.

– Слава богу, хоть этот идиот уgomонился, – вздохнула Маша, имея в виду Шатилова. – Спит вон на диване.

Шатилов действительно устал от алкоголя и с открытым ртом, немилосердно храпя, спал на диване, свесив ноги на пол.

– Так, пускай просыпается и тоже двигает отсюда, – никак не мог успокоиться Олег. – Мне надоело это все!

– Может, не стоит его трогать? – вступилась Лавриненко. – А то сейчас тоже буйство учинит. Говно не трогай – оно и не завоняет.

– Мне вообще здесь этого говна не надо! – заорал выведенный из себя Олег и круто повернулся к жене: – Вот, твои одноклассники, между прочим! Друзья, тоже мне, нашлись! Я таких козлов в дом не приглашаю!

– Олежа, ну кто же знал, что они совсем соображать перестают, когда выпьют? – оправдывалась Маша.

– Как будто это в первый раз!

– Ну, в таком состоянии он действительно в первый раз, – заметила Маша. – Раньше все же поспокойнее себя вел. И потом, ты же знаешь – их в дверь, они в окно. От них же невозможно отвязаться!

– Слава богу, что ты последний год учишься. Дальше, надеюсь, они о себе не напомнят.

Тут, словно издевательское подтверждение слов Маши, откуда-то с улицы послышался пьяный голос:

– Губины – пидарасы!

Олег и Маша одновременно вздрогнули, повернувшись в сторону балкона, со стороны которого доносились выкрики.

– Губины – пидарасы! И лесбияны! – продолжал орать потерявший остатки разума Никитин. – А Тонька – первая лесбиянка!

Олег кинулся к окну. На противоположной стороне улицы, покачиваясь из стороны в сторону, стоял Никитин с бутылкой водки в руках. Он отпивал из нее прямо из горлышка, откашливался и продолжал горланить:

– А Тоньку вообще никто трахать не хочет, она Губину за это платит! Губин, ты не волнуйся, я сам за твоих лесбиянок возьмусь, хочешь?

Маша, услышав эти фразы, побелела и вцепилась в руку мужа. Она была готова разрыдаться. Даже у непробиваемой Антонины начали подрагивать пальцы. Она взяла сигарету и скрылась на кухне.

– Ну, сейчас я ему! – кидаясь в прихожую, прошипел Олег.

В это время там обувался Ювеналий Добрынин, собираясь к заутрене. Увидев перекошенное от ярости лицо Олега, он остановил его.

– Не нужно, не нужно насилия, – замогильным голосом заговорил он. – Сейчас я с ним сам поговорю, по-христиански. Нужно излечить душу его заблудшую.

– Какую душу? – рвался Олег. – Его только кулаком по морде можно излечить. И то ненадолго.

– Не нужно, Олег, – вышла из кухни Антонина. – Лучше не обращать внимания на этого дурака, он сейчас сам уйдет. Неужели ты не видишь, что он нарочно нас провоцирует? Сейчас ему надоест собственная невостребованность, и он домой пойдет.

– Господи, бедная Люба! – вздохнула Маша. – Какое счастье, что она не пришла, а то ей больше всех досталось бы.

Лавриненко презрительно усмехнулась.

– Вот видите, Ювеналий... Вы говорите, что по-христиански мало кто поступает. А Люба – яркий пример милосердия. Представляете, жить с таким человеком, спать с ним в одной постели...

Ювеналий строго сдвинул брови и серьезно посмотрел на Лавриненко.

– А вы мне симпатичны, Ювеналий, – неожиданно томно сказала Антонина. – Я вам позвоню как-нибудь, поговорим на христианские темы, можно?

– Хорошо, – сухо ответил Добрынин. – Только после праздников.

– Разумеется, – согласилась Лавриненко, улыбнулась на прощание уже окончательно собравшемуся Ювеналию и пошла обратно в кухню.

Крики за окном стихли. Олег подошел к балкону и выглянул. Он увидел медленно удалявшегося Никитина, который на ходу отпивал водку, что-то продолжая говорить, но уже как бы себе под нос. Отойдя уже на довольно приличное расстояние, он неожиданно повернулся и выкрикнул:

– Козлы!

После чего запустил опустевшей бутылкой в дом Губиных. Бутылка разбилась о металлическую решетку лоджии первого этажа. Никитин чуть-чуть подождал, словно желая, чтобы жильцы вышли и стали бы с ним разбираться, но так и не дождался. Постояв, покачиваясь, на одном месте, он наконец решительно завернул за угол дома и скрылся в темноте.

– Ну и дурак, – снова закачал головой Губин, продолжая всматриваться в темноту.

Он видел, как вышел из подъезда Ювеналий и, оглядевшись по сторонам, пошел в противоположную сторону. Олег, подождав еще немного, вернулся в комнату.

– Выпить что-нибудь осталось? – спросил он у Антонины.

Та отрицательно покачала головой. Олег выругался сквозь зубы и тут обратил внимание на Шатилова. Подошел к нему и начал трясти его за плечо. Дмитрий очнулся не сразу, с трудом сел на диване.

– Шоу окончено, – прокомментировал свои действия Губин. – Гоу хоум, плиз!

– Какой хоум, ты чо, Олег? – скривился Шатилов. – Дай поспать.

– Здесь тебе не гостиница. Давай, двигай!

– Да ты чо? Я мешаю, что ли? – начал юлить Шатилов, начинавший понимать, что все разошлись, и удивляясь, что рядом с ним нет его закадычного дружка. – А Серега-то где? Ушел, что ли?

– Ушел... – нехорошо ухмыльнулся Олег. – Выгнали мы его.

– Вы-гна-ли? – удивился Шатилов. – Да вы чего? Пацана обидели... Стоп, подожди... А почему? Он буянил, что ли?

– Ты что, не знаешь дружка, что ли, своего?

– Да ну... Да Олег... Ну, это ерунда какая-то, – на Шатилова вдруг напал приступ миролюбия. – Это он выпил просто лишнего. Завтра наверняка с бутылкой приедет – извиняться.

– Мне чихать на его извинения, – сухо ответил Губин. – Давай собирайся, я устал уже от этого Рождества.

Шатилов покачал головой, окинул мутным взглядом стол.

– Слушай, Олег, а выпить нет, что ли, больше?

– Нет, – так же сухо ответил Губин. – Я за пивом собираюсь в ларек.

– А... и я с тобой, – засуетился Шатилов. – У меня и бабки кое-какие остались.

– Давай, собирайся, – подтолкнул его Олег, понимая, что поход за пивом в ларек – самый удобный предлог спровадить Шатилова из квартиры.

Дмитрий неуклюже встал, обогнул стол, чуть не упав на Антонину, не удержавшись на повороте. Та брезгливо отодвинулась.

– Пардон, мадам, – с глупой улыбкой сделал примиряющий жест Шатилов и направился в прихожую.

Губин с презрительной улыбкой наблюдал за его перемещениями. Через десять минут с кряхтениями и многократными проверками наличия всех своих вещей – часов на руке, денег в карманах, шарфа и полиэтиленового пакета, Шатилов наконец-то вышел на лестничную клетку. Одевшийся Губин вышел следом и тут же закрыл дверь. Шатилов двигался медленно, Губин не стал его ждать и направился прямо к ларьку, находившемуся за соседним домом.

Когда он вернулся с пивом в свой двор, Шатилова он уже не обнаружил. Порадовавшись тому, что не придется тратить время на разговоры с неприятным ему человеком, Олег присел на скамейку и почти что с наслаждением прильнул к горлышку бутылки с освежающим светлым пивом.

Выпив полбутылки, Олег почувствовал облегчение. Нервное напряжение последних часов спадало. Ему захотелось побыть одному. Приди он сейчас домой, и наверняка придется выслушивать упреки и обвинения Маши и Тони. Словом, все то, чего ему абсолютно не хотелось сейчас слышать.

Олег поднялся со скамейки и медленно пошел к близлежащему скверу.

Глава 3

Лариса внимательно выслушала Олега.

– Ты сколько отсутствовал дома? – спросила она после того, как Губин закончил рассказ.

– Около часа, думаю, – ответил Олег. – В сквере никого не было, я посидел спокойно.

Правда, потом девчонки какие-то пьяные подошли, приставали, мол, чего это молодой человек в одиночестве грустит. Ну, я отвечал им что-то, но идти с ними отказался, и они отстали. Обиделись, наверное, – усмехнулся он. – Я их и не знаю совсем.

– А Антонина с Машей были дома?

– Да, я же говорил. Когда я пришел, они на кухне сидели, шептались. И от меня отмахнулись. Ну, я и пошел спать, потому что устал очень... Потом позвонил Шатилов. Машка трубку взяла и мне передала. Так я и узнал, что Сергея убили. Вот и все, что я могу сказать...

– Ну что ж, – задумчиво протянула Лариса. – Дай-ка для начала мне адрес этого Шатилова. Я попробую с ним поговорить.

– Да без проблем. Только Машке позвонить надо, я сам не знаю.

– Звонить не надо. Подождем немного, скоро она уже будет здесь, – Лариса посмотрела на часы.

С момента отъезда Губина-старшего прошло уже сорок минут – достаточное время для того, чтобы доехать до квартиры Олега, забрать Машу и привезти ее к себе.

– Да, – вдруг вспомнила Лариса, – Олег, ты не мог бы дать свою характеристику всем людям, которые были на вечеринке, а заодно обрисовать их отношения с Никитиным?

– Почему же, могу, конечно... Ну, начну я, пожалуй, с Димки Шатилова. Это лучший друг Сергея... был. Они сразу после поступления в институт скорефанились и все время были вместе. Они, кстати, очень подходят друг другу в том смысле, что как братья-близнецы. Натуры одинаковые.

– Это я уже поняла, – перебила его Лариса. – А остальные?

– Ну, Айрапет... Этот вообще ни с кем не ссорится. Безобидный парень в принципе, добродушный. Он одинаково относится и ко мне, и к Никитину, и к Ювеналию... Он вообще всегда очень хотел с нами подружиться. Я-то не возражал, пускай приходит, – пожал плечами Губин. – А вот Никитин с Шатиловым постоянно за глаза его «опускали», а в глаза подкалывали. Как будто у них больше ума, чем у него, – усмехнулся Олег. – У него, по крайней мере, его хватает, чтобы не скандалить ни с кем.

– А Маша, твоя жена?

– Маша вообще очень чувствительная, грубости не выносит. Она всегда, когда Никитин с Шатиловым начинали над кем-то издеваться, пыталась загасить конфликт. Маша добрая и застенчивая, поэтому-то Никитин с Шатиловым и прилипли к нам – она не могла в резкой форме отказать им от дома, а по-другому они не понимают. Кто там еще? Оксана Комолова. Очень милая девушка, серьезная. Такая вся положительная. Из консервативной семьи, воспитана в том же духе. Никогда не позволит себе какой-нибудь неразумной выходки. С Никитиным у нее отношения были как у всех, ни лучше ни хуже – учатся же вместе. Про Романа я уже говорил, он человек левый в нашей компании. По-моему, Сергея вообще видел второй или третий раз. Кто там еще у нас остается?

– Лавриненко и Ювеналий, – напомнила Лариса.

– Ну, отношение Антонины к Никитину вы уже поняли из моего рассказа. Она вообще ко многим холодно и неприветливо относится. Особенно к таким, как Шатилов с Никитиным. Я бы назвал это снобизмом. А Ювеналий... – Олег задумался. – Человек странный, скрытный. Непонятно, что у него на уме. Я вот сейчас задумался – а какой он? И даже не знаю, что сказать,

хотя знаком с ним довольно давно. По-моему, эта парочка его раздражала. Но Ювеналий на насилие никогда не пойдет, даже если его достать.

– А какие у него отношения с девушками? – спросила Лариса скорее из интереса.

– Да никакие. Они, по-моему, ему вообще не нужны. Хотя мы отмечали, что он относится к Оксане Комоловой лучше, чем к остальным. Но это скорее что-то платоническое.

– Ну хорошо, достаточно на первый раз, – поднялась Лариса. – Что ж, буду разбираться дальше пока без тебя.

Она открыла дверь и вышла в коридор. Заглянув туда, где она оставила с полчаса назад Котова, Лариса обнаружила, что муж, как это ни было печально, пьян и что-то с жаром объясняет хозяйке дома, тоже, кстати, уже не совсем трезвой, держа ее за руку и норовя ухватить еще за некоторые места. Элеонора хихикала и притворно отбивалась. Увидев Ларису, Евгений смутился, убрал руки от Элеоноры и прижал их к своей груди. У него не нашлось слов, чтобы оправдать свое поведение. Лариса тоже не стала ничего говорить.

Котов, помолчав немного, все же «выдал»:

– Лара, нам, наверное, пора домой.

– Наверное, – согласилась Лариса. – Только, похоже, мне придется тебя везти, а у меня возникли дела. Что делать будем?

– Ну, не знаю... – растерялся Котов.

– Ладно, давай вместе выйдем, поймем тебе машину, а я на твоём джипе поеду по делам.

– Куда ты сейчас поедешь? Какие еще дела? – возмутился Котов. – Немедленно домой!

Лариса не успела никак отреагировать на это заявление мужа, поскольку раздался звук отпираемой двери, и вскоре в комнату вошел Василий Геннадьевич в сопровождении пухленькой девушки маленького роста. У нее были большие, как у куклы, голубые глаза, которые сейчас выглядели усталыми и несколько напуганными.

– Слава богу, Маша! – поднялась со своего места Элеонора. – Садись, отдохни. Не приезжали к вам из милиции-то?

– Нет, – вяло ответила Маша и опустилась на стул, не глядя ни на кого.

Лариса же решила задать девушке несколько вопросов, благо подвернулся удобный случай.

– Маша, вы все это время были с Антониной? – начала она.

Жена Олега с удивлением подняла на нее свои кукольные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.